

## ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ФЕЛЬЕТОНЪ

Разсказъ г. Чехова.

IV \*).

Если, разсмотрѣвъ основное содержаніе этого разсказа, мы признали его въ прошломъ фельетонъ произведеніемъ неудачнымъ, то именно вслѣдствіе слабости основного содержанія. Въ разсказѣ нѣтъ самаго главнаго, что должно бы составить центръ его, нѣтъ идеи, которая освѣщала бы все разсказываемое, и только по этой причинѣ оказалось, что въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка» (такъ озаглавлено послѣднее произведеніе г. Чехова) совершенно отсутствуетъ самъ «неизвѣстный человѣкъ» и отсутствуетъ не потому, что авторъ такъ и задумалъ свое произведеніе, а совсѣмъ случайно—только потому, что авторъ, задумавшись надъ серьезнѣйшимъ явленіемъ нашего недавняго прошлаго и задумавъ изобразить его въ лицѣ одного изъ наиболѣе интересныхъ участниковъ въ этомъ явленіи, не сумѣлъ справиться съ своей задачей. Кѣмъ-то было замѣчено про г. Чехова, что всѣ его послѣднія произведенія напоминаютъ какъ бы дурно пересказанный чудесный сонъ. Это почти не преувеличенное опредѣленіе этихъ произведеній: дѣйствительно, похоже на то, какъ будто человѣкъ видѣлъ чудесный сонъ, который его восхитилъ, который въ немъ поднялъ духъ и привелъ его въ самое радужное настроеніе, но вотъ онъ проснулся и хочетъ возстановить все то, что его такъ прельщало и радовало въ сновидѣніи: медленно, мучительно медленно память возстановляетъ тотъ или иной изъ фантастическихъ образовъ, мало по малу припоминаются многія подробности происходившаго въ сновидѣніи, но все таки не то, нѣтъ еще чего-то, необходимаго, страшно нужнаго, безъ чего всѣ эти отрывочныя, мозаичныя подробности не могутъ составить единого цѣлаго, и сколько ни силится онъ припомнить главное и возстановить исчезнувшее, все напрасно, и то, что такъ дивно хорошо было въ сновидѣніи, не воплощается въ живой, дѣйствительный образъ, и никто изъ окружающихъ не въ состояніи понять, въ чемъ дѣло, и не сочувствуетъ рассказчику, не раздѣляетъ его восторга...

\*) Оковчаніе. см. «Гражданинъ», № 89.

Съ г. Чеховымъ почти буквально происходитъ то же самое. Никто не можетъ сказать, чтобы этотъ писатель не задумывался надъ окружающими его явленіями жизни, чтобы онъ не силился проникнуть въ сокровенный смыслъ происходящаго вокругъ него и не пытался обнажать этотъ смыслъ предъ глазами читателей. Уже одна необыкновенная наблюдательность его, дающая ему возможность каждый свой разсказъ украсить тысячей мелкихъ и чрезвычайно выразительныхъ подробностей, часто даже очень тонкихъ,—уже одна эта наблюдательность, говоря, свидѣлствуетъ о сознательномъ отношеніи автора къ изображаемой имъ жизни; но прибавьте къ этому, что въ любомъ изъ послѣднихъ его произведеній вы встрѣчаете то и дѣло различныя замѣчанія, сдѣланныя человекомъ, очевидно, и умнымъ, и вдумчивымъ. Вѣдь это не то, что какой-нибудь Мачтетъ или ему подобный, который весь пошлостью взлѣзая и изъ пошлости сотканъ, который ничего, кромѣ самыхъ мелкихъ банальностей, не сказалъ, да и сказать не въ состояніи. Нѣтъ, это—натура даровитая, чувствующая, отзывчивая, это—писатель, не успокаивающійся на добытыхъ уже дешевыхъ лаврахъ и мучительно ищущій выхода изъ того заколдованнаго круга, въ который онъ роковымъ случаемъ попалъ и изъ котораго выбиться не можетъ. И тѣмъ не менѣе до сего времени ему не удалось создать ничего, хоть сколько нибудь возвышающагося надъ обыкновеннымъ уровнемъ плоскихъ произведеній нашего времени. Что-то ему, очевидно, мѣшало, и это «что-то» есть, на нашъ взглядъ, ни что иное, какъ отсутствіе яснаго взгляда на жизнь, отсутствіе опредѣленнаго міросозерцанія, съ точки зрѣнія котораго онъ могъ-бы спокойно и правильно относиться къ окружающимъ явленіямъ, отсутствіе, если можно такъ выразиться, преобразенной писательской личности, отсутствіе того «божественнаго глагола», который своимъ прикосновеніемъ до «слуха чуткаго» поэта сразу преображаетъ его обыкновенную, такъ сказать, обывательскую личность въ творческую, созидающую силу...

Повторяемъ: новое произведеніе г. Чехова, какъ художественное произведеніе, какъ «разсказъ неизвѣстнаго человѣка», отъ котораго надо было ожидать очень многого, совершенно неудачно, потому что замыселъ остался невыполненнымъ, и неизвѣстный человѣкъ, показанный читателю не при полномъ солнечномъ освѣщеніи, а при сумеречномъ полумракѣ, такъ неизвѣстнымъ, т. е. невыяснившимся, и остается. Но и въ этомъ произведеніи есть подробности очень интересныя. Съ содержаніемъ разсказа и съ личностью «неиз-

вѣстнаго человѣка» онѣ имѣютъ весьма мало общаго и потому выясненію основной темы онѣ служить не могутъ; но сами по себѣ заслуживаютъ вниманія, и отмѣтить ихъ представляется далеко неизлишнимъ.

## V.

Г. Чеховъ—не въ первый разъ приходится это отмѣчать—явно подражаетъ манерѣ письма гр. Л. Н. Толстого, или вѣрнѣе, находится подъ сильнымъ вліяніемъ толстовской манеры; можетъ быть, это объясняется индивидуальными особенностями писателя, находящаго въ сочиненіяхъ Толстого черты, ему особенно родственныя, особенно близкія. Это подчиненіе гениальному мастеру имѣетъ для г. Чехова и хорошую, и дурную стороны: дурную—въ томъ отношеніи, что заставляетъ молодого писателя повторять часто ошибки стараго; сюда можно отнести обиліе разныхъ сентенцій, зачастую весьма рискованныхъ, которыми испещряется ткань разсказа. Это иногда сбивается на резонерство въ ущербъ живости разсказа. Но въ подчиненіи такому замѣчательному писателю, какъ Толстой, въ слѣдованіи ему, какъ идеалу художественнаго творчества, есть, несомнѣнно, и хорошая сторона, и это благотворное вліяніе живо чувствуется на манерѣ характеризовать отдѣльные персонажи. Характеристики г. Чехова иногда поражаютъ яркостью и отчетливостью, при необыкновенно сжатомъ, почти скупомъ употребленіи эпитетовъ. На этихъ-то характеристикахъ главнымъ образомъ и сказывается даровитость молодого автора, его умѣніе тонко и отчетливо наблюдать отдѣльныя явленія жизни и мѣткими опредѣленіями сразу показывать ихъ читателямъ ярко и выпукло.

Вотъ одна изъ наиболее яркихъ и блестящихъ характеристикъ изъ послѣдняго разсказа г. Чехова.

«Самымъ солиднымъ и, пожалуй, интереснымъ—читаемъ мы въ разсказѣ—былъ гость, по фамиліи Пекарскій, высокій, худощавый человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ большою черною бородой и съ лысиной. Глаза у него были большіе, на выкатѣ, и выраженіе лица серьезное, вдумчивое, какъ у греческаго философа. Служилъ онъ въ управленіи желѣзной дороги и въ банкѣ, былъ юрисконсультъ при какомъ-то важномъ казенномъ учрежденіи и состоялъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ со множествомъ частныхъ лицъ, какъ опекунъ, предсѣдатель конкурса и т. п. Имѣлъ онъ чинъ совѣтъ небольшой и скромно называлъ себя присяжнымъ повѣреннымъ, но вліяніе у него было громадное. Его визитной карточки или записки достаточно было, чтобы васъ принялъ не въ очередь знаменитый докторъ, директоръ дороги или

важный чиновникъ; говорили, что по его протекціи можно было получить должность даже четвертаго класса и звать какое угодно неприятное дѣло. Считался онъ очень умнымъ человѣкомъ, но это былъ какой-то особенный, странный умъ. Онъ могъ въ одно мгновеніе помножить въ умѣ 213 на 373 или перевести стерлинги на марки безъ помощи карандаша и табличекъ, превосходно зналъ желѣзно-дорожное дѣло и финансы, и во всемъ, что касалось администраціи, для него не существовало тайнъ; по гражданскимъ дѣламъ это былъ искуснѣйшій и непобѣдимый адвокатъ. Но этому необыкновенному уму было совершенно непонятно многое, что знаетъ даже иной глупый человѣкъ. Такъ, онъ рѣшительно не могъ понять, почему это люди скучаютъ, плачутъ, стрѣляются и даже другихъ убиваютъ, почему они волнуются по поводу вещей и событій, которыя ихъ лично не касаются, и почему они смѣются, когда читаютъ Гоголя или Щедрина... Все отвлеченное, исчезающее въ области мысли и чувства, было для него чуждо и скучно, какъ музыка для того, кто не имѣетъ слуха. Когда при немъ заговаривали, наприимѣръ, о непротивленіи злу, о любви или о новомъ романѣ Зола, то онъ стучалъ пальцами по столу и внимательно прислушивался къ этому стуку. На людей смотрѣлъ онъ только съ дѣловой точки зрѣнія и дѣлилъ ихъ на способныхъ и неспособныхъ. Иного дѣленія у него не существовало. Честность и порядочность составляютъ лишь признакъ способности. Кутить, играть въ карты и развратничать можно, но такъ, чтобы это не мѣшало дѣлу. Вѣровать въ Бога не умно, но религія должна быть всячески охраняема, такъ какъ для народа необходимо сдерживающее начало, иначе онъ не будетъ работать. Наказанія нужны только для устрашенія. На дачу выѣзжать незначѣмъ, такъ какъ и въ городѣ хорошо. И такъ далѣе. Онъ былъ вдовъ и дѣтей не имѣлъ, но жизнь велъ на широкую, семейную ногу и платилъ за квартиру три тысячи въ годъ»...

По всей справедливости, приходится сказать, что эту характеристику, по выразительности и сжатости, можно поставить въ параллель съ самыми блестящими страницами нашей литературы. Вырванная изъ даннаго разсказа, къ которому она собственно имѣетъ лишь внѣшнее отношеніе, эта характеристика сама по себѣ можетъ свидѣтельствовать о дарованіи автора. Этотъ Пекарскій, этотъ человѣкъ съ механизмомъ вмѣсто сердца,—вѣдь онъ несомнѣнно живой человѣкъ, такъ сказать, съ плотью и кровью вырванный изъ жизни, и въ тоже время въ немъ искусно сосредоточены всѣ тѣ типическія черты, которыми характеризуются люди чисто пе-

М. Ю. Иванов  
Лит.-критич.  
диссертац.

Чеховъ  
с. 73

Петербургского склада, так что собственное имя «Пекарский» можно смѣло принять за имя нарицательное.

И это — не единственное лицо въ рассказѣ. Другой гость, Кукушкинъ, къ сожалѣнію, также имѣющій весьма слабое отношеніе къ рассказу, выхваченъ изъ омота петербургской жизни не менѣе удачно. Этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ «изъ молодыхъ», какъ говоритъ авторъ, съ выраженіемъ лица въ высшей степени непріятнымъ и съ «манерами ящерицы» — этотъ человекъ сразу встаетъ передъ вами во весь свой маленький ростъ, точно притворенный къ позорному столбу. Тутъ же мимоходомъ, по поводу хвастовства этого Кукушкина, авторъ какъ-бы роняетъ опредѣленіе иныхъ петербургскихъ жуировъ, которое по-истинѣ великолепно. Вообще они, по наблюденію автора, любятъ похвастать о своихъ необыкновенныхъ вкусахъ. «Иной солидный жуиръ превосходно довольствуется ласками своей кухарки или какой-нибудь несчастной, гуляющей по Невскому, но послушать его, такъ онъ зараженъ всѣми пороками Востока и Запада, состоитъ почетнымъ членомъ цѣлага десятка тайныхъ предосудительныхъ обществъ и уже на замѣчаніи у полиціи»...

Такія характеристики и такія замѣчанія въ послѣднемъ рассказѣ г. Чехова не единичны. Превосходна также и фигура главнаго лица рассказа — Орлова, этого вялаго и нерѣшительнаго петербургскаго чиновника, который совершенно всосался въ тину петербургской безпечальной, но и безпроектной жизни — жизни безъ цѣли, безъ смысла, безъ содержанія. Превосходно и аксессуарное лицо Грузина, можетъ быть, и хорошаго человека, но совершенно выжатаго, если можно такъ выразиться, петербургской атмосферой; наконецъ, великолѣпно, хотя и въ двухъ словахъ, отдѣлана фигура горничной, играющей въ петербургскихъ домахъ не послѣднюю роль. И только одно лицо менѣе другихъ удачно, это — главное женское лицо, которое вышло какъ-то приторно-слащаво, а мѣстами такъ же, какъ и «неизвѣстный человекъ» — даже вовсе непонятно. За исключеніе же этихъ двухъ неудачныхъ лицъ, все остальное, т. е. характеристики всѣхъ другихъ лицъ, введенныхъ въ рассказъ, на какой хотите строгій взглядъ, прекрасны и выразительны.

#### VI.

Надо замѣтить, что вообще петербургская жизнь, или, точнѣе, жизнь петербургскихъ дѣльцовъ и чиновниковъ нашла въ рассказѣ г. Чехова необыкновенно — яркое выраженіе. Очевидно, авторъ не только внимательно и пристально наблюдалъ эту жизнь и хорошо

изучилъ ее, но и глубоко и долго задумывался надъ ней и проникъ въ тайный ея смыслъ. Выхвативъ изъ этой жизни четырехъ, разнообразныхъ представителей: бездушнаго хищника Пекарскаго, жалкаго и несимпатичнаго Орлова, ящерицу — Кукушкина и не-удачника — Грузина, авторъ заставляетъ ихъ на себѣ, какъ въ фокусъ, сосредоточить всю жалкую и гадкую сущность петербургской жизни, и впечатлѣніе получается прямо неотразимое: ужасъ можетъ охватить васъ при видѣ этого человѣческаго паденія, этой «мерзости запустѣнія», которое воцарилось на мѣстѣ святѣ...

Вотъ, эти четыре представителя нашей «интеллигенціи» собрались — конечно, какъ водится, за винтомъ, и начинаются разговоры. «О, если бы вы знали, — восклицаетъ рассказчикъ, — что это были за разговоры! Начиналось обыкновенно съ того, что Орловъ со смѣющимися глазами заводилъ рѣчь о какомъ-нибудь знакомомъ, о недавно прочитанной книгѣ, о новомъ назначеніи или проектѣ; льстивый, хихикающій Кукушкинъ подхватывалъ въ тонъ и начиналась, по тогдашнему моему настроенію, препротивная музыка. Иронія Орлова и его друзей не знала предѣловъ и, подобно большому волку, который на своемъ пути рветъ все — и людей, и солому, и камни, — не щадила никого и ничего. Говорили о религіи — иронія, говорили о философіи, о смыслѣ и цѣляхъ жизни — иронія, поднималъ-ли кто вопросъ о народѣ, его страданіяхъ, будущности — иронія... Въ Петербургѣ есть особая порода людей, которые специально занимаются тѣмъ, что вышучиваютъ каждое явленіе жизни; они не могутъ пройти даже мимо голоднаго или самоубійцы безъ того, чтобы не соорудить рожки и не сказать пошлости. Но Орловъ и его пріятели не шутили и я напрасно силлся объяснить ихъ иронію то неискренностью, то великосвѣтскимъ бахвальствомъ. Они съ ироніей говорили, что Бога нѣтъ и со смертію личность исчезаетъ совершенно; безсмертные существуютъ только во французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ наличность его обусловлена человѣческимъ совершенствомъ, а послѣднее есть логическая нелѣпость. Россія такая-же скучная и убогая страна, какъ Персія. Интеллигенція безнадежна; по мнѣнію Пекарскаго, она въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ людей неспособныхъ и никуда не годныхъ. Народъ-же спился, облынился, изворовался и вырождается. Науки у насъ нѣтъ, литература неуклюжа, торговля держится на мошенничествѣ: «не обманешь — не продашь». И все въ такомъ родѣ».

Но это еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что говорилось между ними послѣ

ужина, когда вино разгорячало собеседников и наводило на гривуазные темы, и речь заходила о неисчерпаемом вопросе о любви и женщинах.

«По их мнению, основанному главным образом на опыте Орлова, нет верных жен; нет такой жены, от которой, при некотором навыке, нельзя было бы добиться ласок в самом грубом смысле этого слова, не выходя из гостиной, в то время, когда в кабинете сидит муж. Девочки-подростки развращены и уже знают все. Орлов хранит у себя письмо одной четырнадцати-летней гимназистки: она, возвращаясь из гимназии, «замарыжила на Невском офицера», который увел ее к себе и отпустил только поздно вечером, а она поспешила поделиться своими восторгами с подругой... Говорили за ужином, что чистоты нравов не было никогда и нет ее, очевидно, она не нужна; человечество до сих пор прекрасно обходилось без нея. Вред же от так-называемого разврата несомненно преувеличен. Извращение, предусмотренное в нашем уставе о наказаниях, не мешало Диогену быть философом и учителем; Цезарь и Цицерон были развратники и, в то же время, великие люди. Старик Катон имел жестокость жениться на молодой, но все-таки продолжал считаться суровым постником и блюстителем нравов. И все в таком роде до конца ужина. В три или четыре часа гости расходились или уезжали вместе за город или к женщинам»...

Кажется, что относительно приведенных выдержек не может быть двух мнений: они превосходны со всякой точки зрения. Но все это помещается на нескольких начальных страницах рассказа, а все остальное, к сожалению, не соответствует этим первым страницам. Весь рассказ тянется как-то вяло и, не говоря уже о том, что личность главного героя — «неизвестного человека» — остается в тени, даже и любовная история между Орловым и его сожительницей развивается недостаточно живо и ярко.

Таким образом, в целом новое произведение г. Чехова еще раз показало, что этот писатель обладает весьма недюжинными средствами, достаточными для того, чтобы занять весьма видное место в нашей литературе, но все еще нет у него правильного и твердого мировоззрения, все еще нет у него ясного и свободного взгляда на жизнь. А без этого можно ли создать что-либо серьезное?...

М. Южный.